

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Мне сказали: «Хочешь, чтобы о Севере осталось хорошее впечатление — поезжай в Хаилино». А дальше, конечно же, последовал рассказ об уютном тихом селе с деревянными домишками, где живы еще национальные традиции и сохранена самобытная культура, о хаилинцах, отличающихся добрым нравом, гостеприимством и скромностью, о директоре оленеводческого совхоза «Корфский» Викторе Ивановиче Тене, не один десяток лет возглавляющем хозяйство, о замечательных художниках Кирилле Килпалине и Ольге Олелей, рожденных на этой земле и известных теперь далеко за пределами области. Одним словом, выходило, что открывать для себя Камчатку нужно именно с Хаилино.

1. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ТЫЛГИ

Хаилино... Произнесите вслух это слово, и вы почувствуете его ласкающую мягкость. У всех, с кем доводилось разговаривать, непременно спрашивала: «Что оно означает?». Никто не знает. Хаилино... Не богаты сведения и об истории образования этого села. По крохам собираю из здешний учитель географии Розалия Григорьевна Чулин, с которой мне повезло познакомиться.

Из рассказов старожилов узнала, что раньше Хаилино располагалось в 4—5 километрах от нынешнего села. Переселение связано с сильными половодьем на Тылге в 1929 году, смывшем все жилища оленеводов. Сниматься с места этим людям, как видно, было не впервой. Ранее свое-

нравная Тылга заставила их оставить древний Ветвей. Сначала никто не предполагал, что на выбранном месте для новых землянок когда-то расстроится большое село — с одной стороны подпирает сопка, с другой — не дает расти вширь река.

Но вот уже число жителей здесь перевалило за тысячу, появились свои «черемушки». И, как знать, может быть, через несколько лет придется застраивать и противоположный берег Тылги...

Единственная улица села почти никогда не бывает пустынной. С ревом проносятся вездеход, ползет, лязгая каждой железкой, трактор, иногда проскочит автомобиль. Лохмотная лошадка везет с фермы бидоны с молоком. Кто-то

возвращается на «Буране» с провизией из магазина. Открыли сезон мотоциклисты.

На улице можно увидеть разодетого франта с японским магнитофоном и древнего старичка в кухлянке и махлахе. И не сообразишь сразу, кто из них более уместен на фоне пейзажа северного села.

Этот народ не торопится навсегда распрощаться с привычным для него укладом жизни. Чтобы попасть из настоящего в прошлое, здесь не требуется никакой мистики —

В селе справедливо рассудили: пусть юрты стоят, пусть дети видят, как жили их предки. Ведь не каждый может поехать в далекий оленеводческий табун.

Своеобразный музей под открытым небом всегда обитаем. По утрам я вижу, как из юрты уходит в небо ровный столб дыма, как суетятся возле хозяева. Юрты чаще всего используют для того, чтобы приготовить для собак еду. И кто знает, о чем думает старик — чукча, глядя на пламя древнего очага, и кто может судить о важности такого созерцания.

...Люди местной национальности из Хаилино уезжают редко. Даже временная отлучка их тяготит. «У нас и воздух особый, не то что в Петропавловске. И как вы только там живете?» — откровенно удивляются они. Приглашают в гости летом: «Ягоды, грибы — все рядом. Много зелени, на речке — благодать...».

Конечно, многие проблемы нашей страны не могли не задеть Хаилино. И если некоторые из них не так остро ощущаются здесь, то лишь потому, что директор совхоза в свое время выбрал правильную тактику борьбы с бюрократизмом — слушал распоряжения, читал инструкции и делал по-своему.

Беднее стали полки магазинов. И хорошо, что хаилинцам удалось сохранить личное стадо оленей, построить свою молочно-товарную ферму, птичник. Теперь есть и мясо, и молоко, и сливки, и яйца. В рыбкоопе готовят в небольших количествах масло, творог. Скоро будет введен в строй саинарник.

Чтобы разнообразить свой стол, люди обзаводятся теплицами и огородами. Ведь ово-

В Хаилино, за впечатлениями

щей и фруктов стали завозить в последнее время очень мало. Но из-за специфики труда не каждый может позволить себе заниматься земледелием. В хозяйстве все так или иначе вертится вокруг оленеводства. И не будь его — не было бы и совхоза.

Более ощутимым оказался удар, нанесенный печально известным указом о борьбе с пьянством и алкоголизмом. Кампания за трезвый образ жизни закончилась тем, что сельские припомнили старинные рецепты веселящих напитков и даже наладили обмен «копыт» по их изготовлению с аляскинскими родственниками. Часто летом в Хаилино стали наезжать дельцы, меняющие водку и самогон на икру. Кое-кто испробовал на себе и наркотическое действие мухоморчика.

Примелькался указующий перст плакатного мужчины и надписи: «Пьянству — нет!» в центре села. Не получилось в Хаилино зоны трезвости — в магазине спиртное продают по талонам. Только если раньше к празднику привозили шампанское и коньяк, то теперь «Анапу» и «Портвейн». Идет в ход и одеколон.

Раздумья над этими фактами оставили недобрый осадок в душе и, можно сказать, испортили всю картину благополучного жития хаилинцев, вырисовывающуюся в моем воображении. Знала, что крепко пьют и в других селах и интуитивно понимала — не только из-за усталости и скуки.

Сегодняшние потрясения в нашем обществе докатываются до глубинки не ослабевшей волной, а скорее, наоборот —

все нарастающим валом. Напор его так силен, что люди иногда не в силах продолжать борьбу за выживание. Растерянность, неверие в будущее...

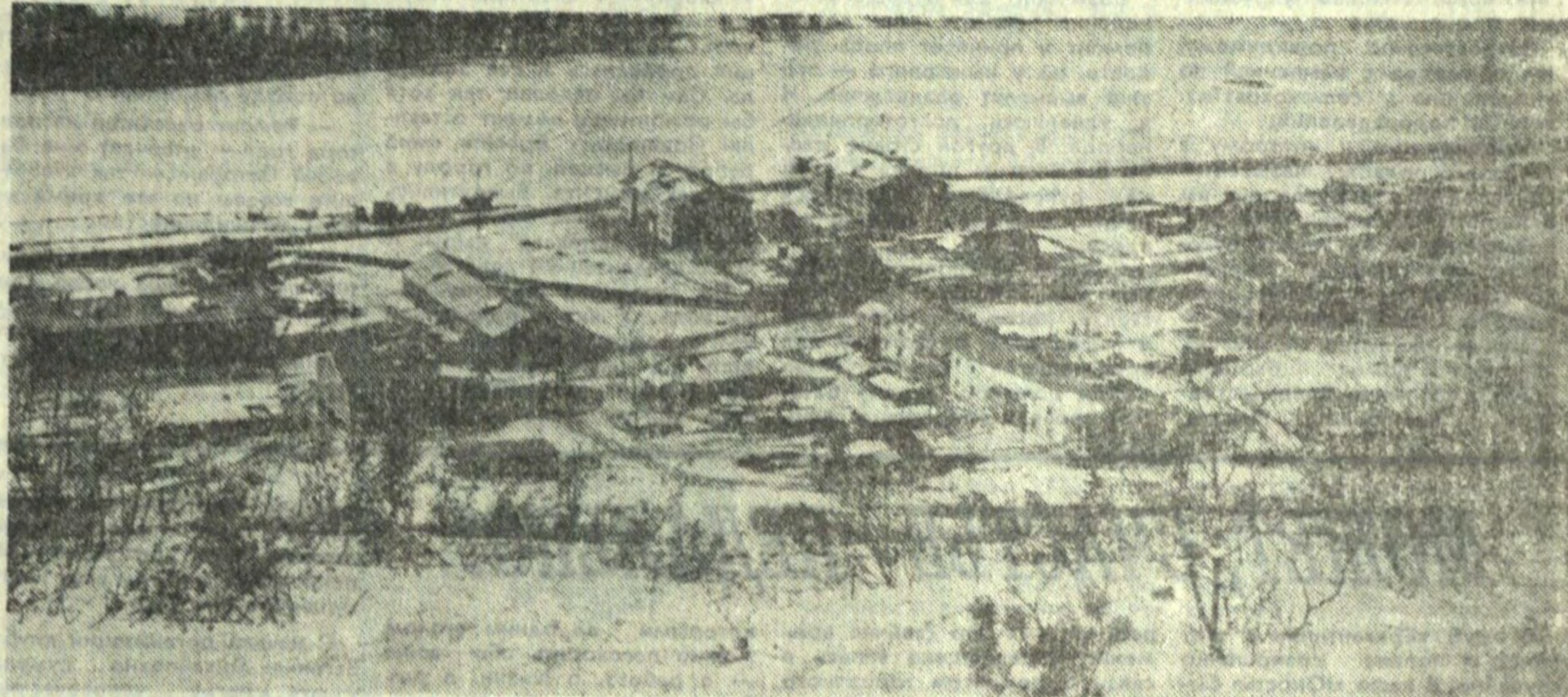
За небольшой срок командировки я смогла убедиться, что приходит смерть только к старикам, молодые ищут ее чаще всего сами. Видела, как в Хаилино обивали гроб и готовили венки для повесившейся в больнице молодой женщины. В Ачайвае летела спешкой — веолет переправлял в село тело молодого мужчины, распрощавшегося с жизнью таким же образом. Наслушалась рассказов о том, как «нечаянно» выстрелило ружье, как кто-то ушел в тундру и не вернулся, как забирает к себе река...

Сколько же и чего не хватает для счастья чукчам, корякам, эвенкам, ительменам?

До сих пор считалось, что там, «наверху», знают об этом лучше всего. Жизнь по команде придавила маленькие села, приучила людей к смирению и покорности. От местного населения ничего не зависело и ничего, кроме выполнения планов, не требовалось.

Сейчас есть надежда, что созданная Ассоциация народностей Севера поможет улучшить жизнь северян, что люди смогут, наконец-то, воплотить свои способности в тот труд, к которому приспособились веками. У них хватит ума и мудрости решить самостоятельно, что им нужно и КАК жить дальше. Может быть, тогда первое слово из сочетания «малочисленные народы Севера» исчезнет навсегда...

И. ПИСАРЕВА.
Фото автора.

ЧИЖИ ЗА ТРЕШКУ

— Ой, бабки пришли, нас раскритиковали: и это делаете не так, и другое... — Нина Кирилловна прикладывает оранжевые от краски руки к расплывающимся в улыбке губам.

Строгими «экзаменаторами» первой продукции хаилинского мехового цеха, как выяснилось, оказались бабки Камак, Рультамхут, Кутык. Непросто возрождать почти забытое мастерство выделки и покраски оленьих шкур, пошива из них легких кухлянок, малахаев, торбасов, чижей, которые так ждут оленеводы.

Еще немного, и было бы поздно искать учителей-мастериц. Пока что в селе они есть. Наставница Анна Иванова Камак — официальный консультант в цехе. У нее три личных ученицы — Элина Хлебникова, Ира Эвьява, Саета Кованько.

Нина Кирилловна Руденко — бригадир. Вообще-то по профессии она — преподаватель математики и физики, пятнадцать лет трудилась в школе. Но в последнее время плохо стало со слухом. Нужно было переходить на другую работу. В Хаилино сделать это не так-то просто — многим женщинам просто некуда пристроиться.

Председатель сельсовета К. Н. Ильин, давно вынашивающий идею открытия при Доме быта мехового цеха, сказал: «Берись за бригадирство».

Нина Кирилловна от своих теток еще в детстве научилась выполнять отдельные операции по работе с мехом. Но чтобы сделать все от начала до конца — такого не было. Поэтому и сомневалась: справится ли со своими обязанностями? В сельсовете сказали: «Характер настырный — справишься».

Настырность бригадиру, действительно, нужна. Меховым цехом в Хаилино именуются две облупленные комнаты в старом, под снос, доме. Нет

никакого намека на механизацию. Нужен хотя бы вентилятор. Директор КБО В. Н. Жуков удивляется подобной просьбе: «Вам же его уже привезли!». Привезти-то привезли. Но такой огромный, что включи его, и взлетит домишко...

Негде сушить шкуры. Сейчас они гниют на чердаке и работники тщетно пытаются их спасти. А ведь обещали, что сушилка будет..

Конечно, с чего-то надо было начать, за что-то нужно было зацепиться. Главное, что восемнадцать человек получили возможность трудиться, в том числе и совсем молодые девчата. Но есть опасение, как бы благое дело не погибло на корню.

Доходит до смешного — цех еще не успел «опериться», а ему уже спускают план: вынь да положи пять тысяч рублей в месяц! Да еще и меховую фабрику в пример ставят, которая, видите ли, дает прибыль куда большую.

Спрашивается: к чему же сравнивать несравнимое? Технологию выделки шкур тут такая же, какой она была сотни лет тому назад у предков сегодняшних мастериц. Никакой химии. Сама природа устроила оленя так, что человек может использовать все, начиная от рогов и кончая копытами. Остается один только выдох, как говорят американцы.

Шкуры выделываются заранее собранным оленьим помехом а оранжевой краской для них служит мелко наструженный и замоченный ольховник. Орудия для соскабливания мездры тоже не терпели изменений с течением времени. Плынан — слегка изогнутая короткая палка с камнем кремнистой породы посередине. Разве вы видели хоть в одном магазине такой плынан?

Чтобы получилась мягкая хорошая шкура, требуется усердие рук и ног. Высушивание, отминка.. Слова, мало что говорящие несведущему челове-

ку. Я, видевшая весь процесс выделки шкуры, не берусь его описать.

— Как думаешь, сколько стоит эта кухлянка? — спрашивает Нина Кирилловна, давая мне возможность чуть ли не на зуб попробовать ладно сшитое изделие.

Мне определить трудно, а она все просчитала. Полагается ли это ей по должности? На многие изделия еще нет расчетов. Нина Кирилловна берет за основу РКБОВские схемы и делает расценки на новинку. И тут, как нельзя кстати, пригодились знания математики.

А шить женщины могли бы многое: не только меховые штаны и кухлянки, но и малахаи, летние торбасы из дымленки, перчатные мешки, перчатки, чижи... На все это уже очень много заказов — только успевай выполнять.

В том, что изделия нового цеха будут пользоваться большим спросом, сомневаться не приходится. Первую продукцию мастериц оленеводы расхватывали чуть ли не в драку. К сожалению, никакая современная одежда не смогла в тундре заменить меховую.

Удивляет только то, что ручная работа швей оценивается очень низко. Нина Кирилловна привела такой пример. Одна работница в январе сшила две пары чижей стоимостью 62 рубля. Ей начислили за работу 13 рублей, а десятку высчитали в качестве подоходного налога. На руки она получила только 3 рубля.

А знаете, сколько имеет Нина Кирилловна за свое бригадирство? Всего 15 рублей... А ведь она обязана обеспечивать цех необходимым сырьем, следить за работой на домниц, делать расчеты-отчеты и наравне со всеми, выделывать шкуры и шить.

Долго ли люди протянут на энтузиазме?

И. ПИСАРЕВА,
наш спец. корр.

НА СНИМКЕ: бригадир мехового цеха Н. К. Руденко.
Фото автора.

Хаилино, за впечатлениями

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ УРОК

Математика? Физика? Рус-
ский? Не стоит гадать. Тем
более, что этому уроку самым
важным стать еще предстоит.
Оленеводство. Слышали о та-
ком предмете? Его преподают
в Хаилинской школе. Есть про-
граммы обучения, но нет ни
учителя, ни ставки для него.
Общественных началах
оленеводства дают ли-
цеистам совхоза, либо
зоотехник экономист. Директору
школы приходится напоминать:
«Не забудьте, вас ждут ребя-
та». Но не всегда специали-
сты могут оставить свои непо-
ложившие обязанности —
детовка, то забой оленей,
кораллизация. Уезжают в
тундру. И пустует кабинет с
набором оленя, набором вете-
ринарных инструментов и дру-
гими наглядными пособиями.
Ежегодно школьники выез-
жают в тундру, на летнюю
практику. Можно было бы сде-
лать ее и зимой, но нет теп-
лой меховой одежды. Здесь

дети приобретают знаний куда
больше, чем на несистемати-
ческих уроках оленеводства.
И хотя обязательная практика
составляет только 20 дней,
многие остаются в тундре на
все лето.

Виктора Мирхини, сына из-
вестного в совхозе звеньевового,
не нужно было просить по-
быть в тундре лишней денек.
Сложности возникали с окон-
чанием каникул — возвращал-
ся в поселок Виктор без осо-
бого желания.

Но много ли таких, как он?
Парни и девушки часто по со-
ветам своих родителей уез-
жают в города, поступают учи-
ться в институты и техникумы.
Казалось бы, хорошо. Нужны
селу свои специалисты с выс-
шим образованием. Только
вот проходит некоторое вре-
мя, и возвращаются бездипло-
мники домой. Расстроенные,
неприкаянные. Город не при-
нял... В селе работы нет. Ид-
ти в оленеводство — не дай

бог! Родители, изо всех сил
тянущие трудовую лямку, кор-
мят своих уже далеко не жел-
торотых птенцов.

В Хаилино около тридцати
молодых людей не имеют ра-
боты. Только 5 человек учат-
ся в вузах и 6 — в техникумах.
В профтехучилищах — никого.
А ведь совхозу бы плотников,
столяров, кузнецов... Однако
не нужно быть слишком дога-
дливой, чтобы понять — «пэ-
тэушный беспредел» не для
этих ребят.

Сейчас в хозяйстве не на
шутку озабочены тем, чтобы
поднять престиж оленеводст-
ва. В этом году администрация
совхоза «нашла возможность»
увеличить оплату труда олене-
водов на 191 тысячу рублей.
(Чтобы было понятно, каким
образом ей это удалось, пояс-
ню — совхоз рассчитывает на
будущие доходы от реализа-
ции пантов и окостенелых ро-
гов). Уменьшилась также и
норма нагрузки на человека.

Правда, не на много. Вообще
ее следовало бы давно пере-
смотреть Агропромсоюзу для
всех оленеводческих хозяйств.
Насколько мне известно, мно-
гие заинтересованы в положи-
тельном решении этого вопро-
са.

Немало делается в совхозе
для улучшения быта оленево-
дов. На перевалочных базах
построено 10 рубленых домов,
бани, есть необходимые эле-
ктроприборы. Поставлен кон-
тейнер для хранения продук-
тов на летнем маршруте. Име-
ется 15 передвижных балков,
закуплено два вездехода.

При распределении благо-
устроенного жилья приоритет
тоже остается оленеводам. И
в будущем году, по словам
директора совхоза, практичес-
ки все они улучшат свои жи-
лищные условия. Намечается
строительство детского сада.
А в оленеводческом звене пла-
нируется открыть первую эк-
спериментальную школу. Ведь

сегодня оленеводство много
теряет именно из-за сущест-
вующего разрыва между мла-
дыми и старшими в семье.
Правда, не все родители сог-
лашаются на подобный экспе-
римент — дети в тундре часто
болеют. И все же, если бу-
дет хотя бы несколько учени-
ков и учитель — школа откро-
ется.

Можно перечислять и даль-
ше, сколько и чего дала со-
ветская власть оленеводам. В
совхозе «Корфский» это, дей-
ствительно, не будет преувели-
чением. Но все же хозяйст-
во, как мальчишка — подро-
сток, бежит, цепляясь за одеж-
ды слишком торопливого ве-
ка. Совхозу постоянно прихо-
дится нагонять время.

В прошлом году в совхозе
впервые заговорили о валюте,
о сотрудничестве с зарубеж-
ными фирмами. Молодежь то-
же «уши наострила». И дело
не только в появившейся воз-
можности осуществить сияю-
щую мечту — купить «видик».
Просто этот уровень произ-
водственных отношений отве-
чает требованиям сегодняшних
оленеводов. Чтобы хозяйству
выйти на прямые связи со
своими партнерами, потребу-

ются свои специалисты, спо-
собные освоить новые техно-
логии и правильно определять
качество продукции. Но где
их готовят? Долго ли хозяйст-
ва будут «кормить» своих по-
средников, выполняющих эту
работу?

В прошлом году по догово-
ру с фирмой «Рантарин» заго-
товлено 160 килограммов пан-
тов и сухие рога на сумму 100
тысяч долларов. О, эти при-
зрачные доллары... И где они
только «бродят» и в чей кар-
ман оседают? До Хаилина во
всяком случае они еще не до-
шли.

Я написала о том, что уро-
ку оленеводства еще предсто-
ит стать самым главным в се-
верных школах. Пока что та-
ковым он является формально.
Детей не обманешь — они это
понимают и не очень-то усерд-
ствуют на уроках. Многие счи-
тают, что знания по оленевод-
ству им просто не пригодятся.
Но не обидно ли им будет
уподобляться папуасам, кото-
рые с радостью меняли дра-
гоценность на безделушки
иноземцев?

И. ПИСАРЕВА.

О РЫЖИХ И НЕ РЫЖИХ

Здесь их называют «сачками». От силы пять месяцев в году трудятся — остальное время отдыхают. Из-за этого в тундре лошадь далеко не в том почете, что олень. Хотя и признают все, что летом без коня не обойтись — на них легче и стадо окарауливать, и весь кочевой скерб с места на место перевозить.

Практически всю зиму лошади предоставлены сами себе. Корм добывают, где придется и как придется. В основном копытят снег, добывая до травы. Научились, хотя в их гены такая программа вряд ли была заложена. Лишь в некоторых лошадках есть что-то от якутской породы. Белая Майка и вороной Солдат, к примеру, — городские. Обоих переправили сюда из Петропавловска. Но морозные зимы и их заставили обшерститься.

Местные мустанги не завораживают ни красотой тела, ни грацией движений. Жалкие лохматые существа... Но и они, такие неуклюжие и смешные, вызывают неизменное чувство восторга. Один из героев романа Стоу сказал: «Почему человек любит смотреть на лошадей?.. Потому что они — частица уходящего мира». Правда, трудно представить, что кони когда-нибудь покинут нас навсегда. Люди уже начали понимать — современных мамонтов необходимо сберечь. Выяснилось, что не всякая техника может заменить лошадиную силу. Но самое главное — с конем человек не чувствует себя одиноким, он помогает быть ему добрее и богаче нравственно.

...Я перепугалась за крохотную девочку, которая решительно засеменила к лошадям у кормушки. Папа в два шага нагнал ее, но не выгнал за ворота базы, а, напротив, подвел к Майкиной морде и позволил маленькой ручке потрогать конский загривок. Оказывается, Танюшке в свои два года к лошадям не привыкать — осенью папа, Виталий Тенеку, посадил ее верхом на это чевобразимое по величине животное. Тэйком от мамы... И, как знать, может быть, именно в этот момент зародилось в детской душе что-то ясное и светлое.

Виталий Тенеку помогает главному конюху управляться по хозяйству. Ну, а конных дел грамотеем в Хаилино считают Анатолия Кузнецова. Можно сказать, хозяйству с этим специалистом повезло — о лошадях он знает все. А чтобы знать все, их нужно любить по-настоящему.

Воспоминания о прошлом и день сегодняшний у Анатолия неразрывно связаны с этими

удивительными животными. Если бы была возможность родиться на лошади — он бы родился именно так. Во всяком случае, едва научившись ходить, деревенский пацан уже пытался без седла, охлюпкой, ездить на какой-то Савраске, задыхаясь в клубках белесой пыли.

Край, где он появился на свет, — «лошадиный», граничит с Хакасией. И дед, и отец всегда были при конях. В одиннадцать лет Анатолий выловил в колхозном табуне жеребца и сам научил ходить его под седлом. И какое это было счастье, когда подопечный все лето был в его распоряжении! Правда, новоиспеченный ковбой не за здорово живешь пользовался таким льготным средством передвижения — он должен был пасти телят. Но мальчишку это условие несколько не смущало. Ведь только он понимал своего Тюльпана, только он был его другом. На конской спине Анатолий мог вообразить себя Ильей Муромцем или Чапаевым. И, конечно, как всякий сорви-голова, не равнодушный к лошадям, мечтал стать жокеем.

И ничего, что приходилось грести навоз на конезаводе, чистить конские бока, выгуливать, кормить и поить четвероногих. Зато теперь есть в судьбе Анатолия те памятные мгновенья, когда он мчался по дорожкам ипподрома, сры-

вая аплодисменты зрителей. Будучи наездником тройки, он тоже никогда не оставался за флагом.

Его и сейчас зовут работать на племенную коневодческую ферму где-то на материке. Но Анатолий уже «врос» в Камчатку. Злитесь, что лошадиные проблемы в хозяйстве всем до лампочки, грозитесь уйти в оленеводы. Но мне кажется, вряд ли Анатолий на это решится. Заметила: любит он даже этих лохматых уродцев без роду-племени.

Три года назад ему удалось добиться, чтобы лошадям подкармливали комбикормом. Но ни силоса, ни клочка сена они не получают. Зимой тратиться на «сачков» не выгодно. Лишние корма продают на сторону. И это, считается, хорошо, ибо снижается себестоимость молока. Ну, а что лошади? Как-нибудь перебьются...

Летом коневоды пытались заготовить сено сами. Но вывезти не успели. Сейчас, если лошади обнаружат брошенный стожок — съедят его сразу.

Неудачно выбрано и место для тюбенежки — открыто всем ветрам. А лошадь болеет теми же болезнями, что и человек. В прошлом году несколько голов пало от воспаления легких уже летом...

Анатолий не раз заикался о строительстве коневодческой зимней базы в Ветвее. Но ему все время говорят: «По-

дожди». Сколько? Неизвестно...

Ни одна лошадь, которая в зимнее время используется в хозяйстве, не подкована. Анатолий рассказал, как однажды нашли в складе целую связку заржавевших уже подков, неизвестно в какие годы и кем приобретенных. Но где коней подковывать? Сооружение для этой цели — станок, какой-то чужак выстроил по энциклопедическим размерам, не сообразив, что нет в хозяйстве ни дончаков, ни орловских рысаков.

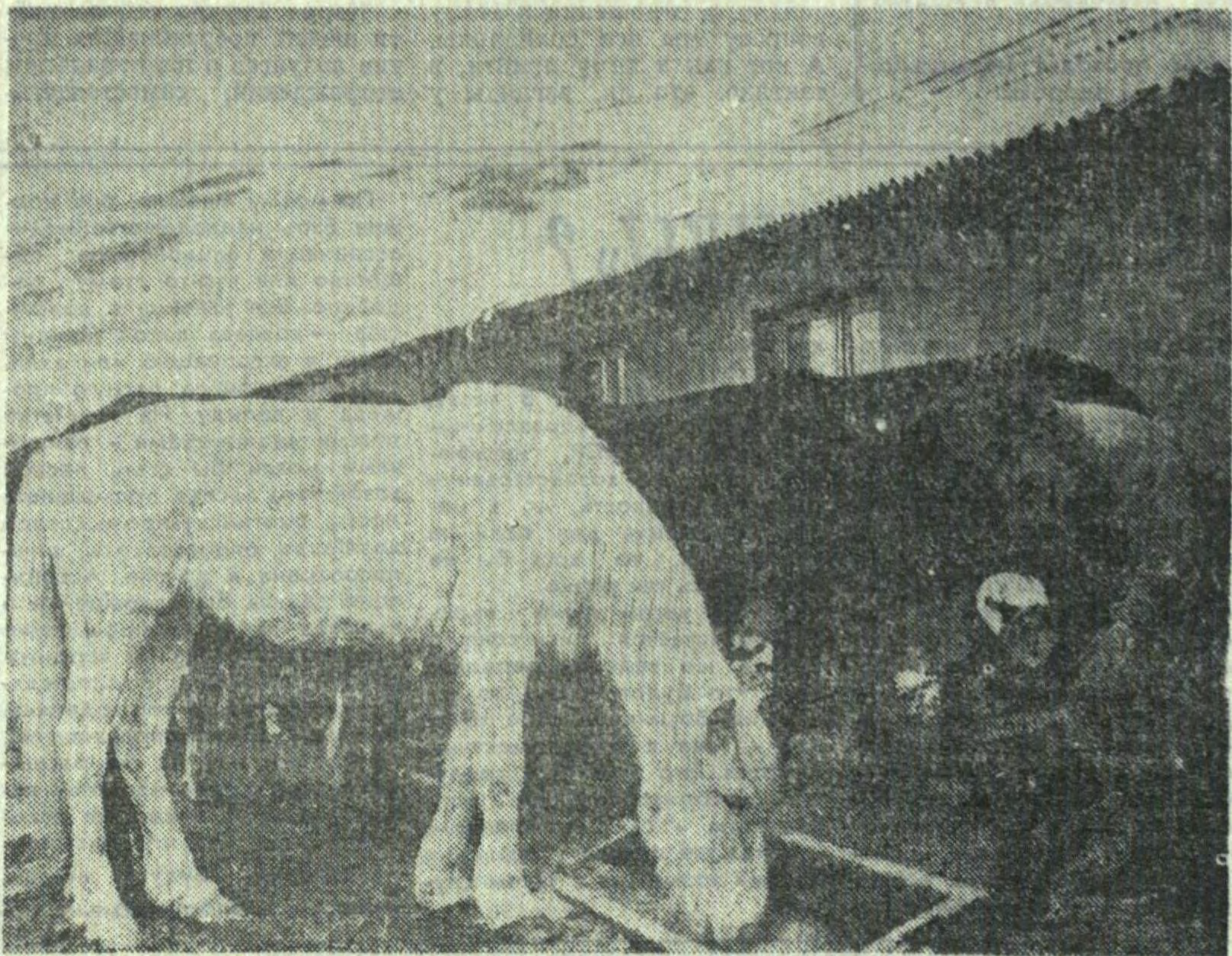
Так вот и бегают лошади без «обувки». И жалеет Анатолий, что нет в совхозе дремлющего инспектора по технике безопасности...

...Сколько Анатолий не зазывал свистом лошадей на ферму, часть из них завернула на свалку. Там мустанги тоже находят кое-что для пропитания. Не появилась и его любимица (то ли Тайга, то ли Тундра?). Знаю точно — рыжая. Потому что Анатолию везет на рыжих лошадей. Он и сам такой же «масти» — в этом, видать, весь секрет.

Вспомнил молодость, поплелся на помойку старый Солдат.

— Вернись, жизнь наладится! — шутливо крикнул ему вслед конюх. Но в этих словах чувствовалась и горькая обида Анатолия за своих униженных подопечных. Гордые от природы животные, при нормальных условиях не жующие, что попало, вынуждены копать в пищевых отходах. Все, как у людей: кто не работает — тот не ест. Но жить-то хочется...

И. ПИСАРЕВА.

К ЮКОЛЬНИКУ

Оказалось, поехать за рыбой — это еще не значит отправиться на рыбалку. Зимой старожилы Хаилино вообще речку не «дырявят» — не позволяет обычай. Да и зачем? С лета все заготавливают юколу — и для себя, и для собак. Высушенную на ветру красную рыбу называют хлебом тундры.

Анатолий Афанасьевич Делькини засобирались к юкольнику. Я попросилась тоже: «Хоть собачью упряжку увидеть...» Но когда мы, прошагав через все село, остановились у сарайчиков на берегу реки, старый коряк вдруг захлопал по карманам: «Вот черт, опять забыл, вот черт...» Ключи остались дома. «Ну, да ладно, так поедем, — махнул он рукой. — Посмотрю, не раскрыло ли ветром крышу. А то и вороны могут дыр в ней понаделать. Мало ли что...».

Мне показалось, что Анатолию Афанасьевичу не так уж срочно нужна была юкола, да и беспокойство за ее сохранность — только для вида. Просто в такой день трудно усидеть дома. Высоко подскочило небо. Ни облачка, ни ветерка. Вовсю шпарит солнце, заставляя оседать сугробы снега. Сережки ольховника липнут к рукам, и среди деревьев уже плавают едва уловимый запах разогретых почек.

Собаки обрадовались возможности полаять на незнакомого человека. Но стоило приласкать одну, и тьяканье превратилось в ревностное поскуливание. Пока Анатолий

Афанасьевич разбирается с ошейником, пес прыгает ему на грудь и пытается лизнуть лицо.

— Ый! Ый! — безнадежно отмахивается он.

В упряжке собаки стоят спокойно и выжидающе смотрят на хозяина.

— Ты садись, а то сейчас как рванут, — торопит меня Анатолий Афанасьевич, указывая место в легких нартах.

Едва его рука коснулась воткнутого в снег остова, как упряжка действительно рванула. Замелькали деревья и кусты, и вот мы уже в поле. То и дело лениво взлетают непуганые белые куропатки. Собаки на них косятся, но со знакомой дороги — ни-ни. Сильный вожак Мухала знает, в каком месте нужно поднажать, набирая скорость. Снежный взгорок преодолеваем без особого труда. Несколько раз отдыхаем. Дальше едем путем, проложенным трактором, и два раза заваливаемся в колею.

— Не ушиблась? — беспокоится Анатолий Афанасьевич. — Бывает, бывает... Испортили дорогу.

У юкольника собаки останавливаются и, довольные, валяются на снег. Работа хоть и тяжелая, но все же лучше скучного безделья. От настоящих ездовых лаек в них мало что осталось. Посмотришь — обыкновенные дворняжки, похожие на тех, что десятками носятся по селу и от нечего делать гавкают на ворон.

Говорят, приучить щенка к упряжке не очень-то и слож-

но. В нашей шестерке такую школу проходит полугодовалый, «глупый» совсем Дун. Это единственная кличка, которая привычна для моего уха. Мухала в переводе с эвенского — пестрый, Анрачан — черненький. Серый пес папку назван так по фамилии бывшего хозяина.

— А Йнакали?

— Видишь, белая полоса вокруг шеи. Это по-корякски.

— Белошейей?

— Да, да, можно и так.

— А Умына?

Анатолий Афанасьевич показывает едва заметную белую полоску через нос и пасть собаки. Я не могу придумать перевод...

Мы с деловым видом матрируем легкий сарай тонких сваях и погребов все в полном порядке. Пусть представит, что тут происходит, когда по речке идет рыба. Наверное, оживает и та — сейчас ее деревенский «скелет» лишь нагоняет горючую грусть. Горят у воды стры, сушатся сети. Анатолий Афанасьевич острым ножом потрошит рыбу, радуясь улову.

— Мало рыбы стало, не что раньше, — как бы утешая мои мысли, говорит старый коряк. — Не доходит нас — колхозы вылавливают.

Помелела и Тылга — торная лодка порой с трудом преодолевает ее пороги. В местах, где речку можно перейти вброд. И никто не знает, почему так. Это печальная реальность, с которой, пожалуй, уже начали свыкаться. Не одна Тылга обмелела нас на Камчатке, не в одну Тылге поубавилось рыбы.

Не то что раньше...

«ЕСЛИ ПОЕДЕШЬ В ТАБУН...»

К кому я только не обращалась с просьбой отвезти меня к оленеводам в тундру... Все обещали, но не раньше, чем через неделю. Снегоходы и вездеходы увезли людей на важную зоотехническую кампанию — корализацию. Другой техники нет.

Алик мне сочувствует. Он, конечно, отвез бы: хоть на оленях, хоть на собаках, хоть на «Буране». Но у него работа — «три дня не вылезал из трактора». Нужно по зимнику успеть выхватить последние тонны угля из Тиличик. В среднем часов девять — туда, часов двенадцать — обратно. Рабочий день здесьних механизаторов регламенту не подчиняется. Все зависит от погоды.

А весна на сей раз пришла ранняя. По утрам вроде бы зашершавят следы на подтаявшем снегу, станут матовыми оконные стекла, легкая паутина инея прилипнет к веткам деревьев, а ближе к полудню снова закапает с крыш, захлюпает вода под ногами, станет жарко и неудобно в зимней одежде.

Где-то среди сопок затеряна дорога. Не дорога даже, а так, временный путь. Без него село не оказалось бы оторванным от мира — регулярно летают самолеты и вертолеты. Но не все под силу им перевезти. Уголь, строительные материалы — груз для тракторов.

Весной путь становится опасным. «Не дорога, а амурские волны», — говорит Алик.

Ко всяким неожиданностям должен быть готов тракторист. Однажды машина провалилась, и Алик больше двух часов бежал за помощью.

Сейчас сам себе удивляется: как это он забросил занятия спортом? Раньше каждый вечер — кросс по аэродрому. Увлекался разными видами борьбы...

Работа, семья, усталость... Механизаторы — люди рискованные, не прочь взбодриться в дороге бутылкой спиртного. Сон одолевает прямо за рычагами трактора. Слышится чей-то зовущий голос, и удар о лобовое стекло приводит в чувство.

...Когда я спросила у Алика его фамилию, он, смущаясь, ответил:

— Да ее тут все знают — Олелей.

Известна она и мне. Как-то по Центральному телевидению показывали художницу-мастерицу Ольгу Олелей из Хаилино, и я рассчитывала свидеться с ней во время командировки. И вдруг такая случайность: Алик — ее сын.

Спрашиваю его:

— Рисовать не пробовал?

— Рисовал, но потом все

—И напрасно — у тебя руки художника.

Алик внимательно рассматривает свои тонкие пальцы, перепачканные мазутом, как бы пытаюсь убедиться в искренности моих слов. И вдруг настораживается, прислушиваясь: где-то звучат слова песни: «Не волнуйтесь — я не уехал, и не надейтесь — я не уеду!..».

— Высоцкий?

— Высоцкий...

Фарфоровое, почти кукольное лицо Алика становится серьезным.

— А я ведь тоже играл на гитаре...

У Алика Олелей была возможность уехать из Хаилино. Со своими разносторонними способностями, он, наверное, смог бы получить более престижную профессию. Но парень рано пошел работать — «неудобно было брать деньги у родителей».

Серая, будничная жизнь еще не успела совсем опутать его своими щупальцами. В душе Алик немного романтик, немного мечтатель, немного фантазер — это и спасает.

То с любовью выращивает яблоньку в теплице, просто так, для души, зная, что дожидаться плодов не придется. То с любопытством изучает найденные костяные наконечники стрел и строит предположения о развивающихся исторических событиях тысячелетней давности на просторах сегодняшних оленьих пастбищ.

— А однажды у речки кто-то обнаружил копье с надписью «Русь». Может быть, сам Ермак доплывал до наших мест?

— Кто знает... — гадают Алик.

Он и о тундре говорит одним словом «романтика», вкладывая в него все свои чувства. Отец Алика — оленевод. Мать тоже редко бывает дома. Поездка к родителям для Алика всегда праздник.

С гордостью рассказывает мне о том, что ему подарили важенку. Хорошо, если бы она принесла тоже важенку. Тогда можно рассчитывать, что с каждым годом будет появляться все больше и больше телят, и, в конце концов, вырастет большое стадо оленей.

— Если все же поедешь в тундру, попроси, чтобы тебе показали табун. Наверное, уже будут телята. Увидишь, какие они хорошенькие — советует Алик — Не бойся, что оленеводы встретят плохо. Приедешь, скажешь: «Амто!». Пригласят пить чай, не отказывайся — обидишь людей.

...В табун попасть так и не удалось. Что ж, есть повод приехать в Хаилино еще раз.

И. ПИСАРЕВА.

забросил.